

Утренний выпуск.

Объявления за строку петита за
днем. Его место в Латвии в текст 1 Л.
40 с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позади
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Для заграничей 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (ул.
Цера.) Тел.: ред. — 21219, гор. трол. —
21733 и 21334, ночн. редакц. — 21334.
Главная контора и экспедиция Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21030, телеф. рекламного отдела 21325.

СЕГТОДНЯ

№ 60.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

11-й г. изд.

Пятница,

1 марта 1929 года.

Цена номера в Латвии 12 цент. 6 р.
в Латвии за оба изд. 60 цент. в Польше —
оба изд. 80 грш., за утр. 40 грш. за вечер.
45 грш. Подп. пл. на „Сегодня“ в мѣ-
сяць (за 7 вом. вѣ всд.) в Латвии 3 Л. 50 с.
(175 р.), загр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл.
Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня
Вечеромъ“ (13 вом. вѣ всд.): в Латвии
5 Л. 75 с., загр. 8 Л. 50 с. или 1.70 амерт. долл.

Воспоминанія артиста Художественного театра.

(Окончаніе).

(5)

Последняя пьеса Чехова.

«Вишневы садъ» — лебедина пьеса Чехова. Осенью 1903 года я получилъ открытку изъ его «Чортова острова», т. е. Ялты: «Пишу по четыре строчки въ день и тѣ съ нестерпимыми мученіями».

17-го января 1904 г. состоялась премьера «Вишневаго сада». Послѣ 3-го акта чувствовали автора. Скромный Антонъ Павловичъ стоялъ передъ публикой, привѣтствовавшей его восторженными аплодисментами. Ему подавали вѣнокъ за вѣнкомъ. Читались привѣтствія. Адресъ отъ Малаго театра читала Г. Н. Федотова. Для насъ интереснѣе всего было привѣтствіе отъ Художественнаго театра, которое произнесъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, передавая, вмѣстѣ съ В. В. Лужскимъ, дарецъ съ портретами артистовъ.

«Милый Антонъ Павловичъ! Привѣтствія утомили тебя, — сказалъ В. И. Немировичъ-Данченко, — но ты долженъ найти утѣшеніе въ томъ, что хоть отчасти видишь, какою безпредѣльную привязанность питаетъ къ тебѣ все русское грамотное общество. Нашъ театръ въ такой степени обязанъ твою таланту, твоему нѣжному сердцу, твоей чистой душѣ, что ты по праву можешь сказать: это мой театръ. Сегодня онъ ставитъ твою четвертую пьесу, но въ первый разъ переживаетъ огромное счастье видѣть тебя въ своихъ стѣнахъ на первомъ представленіи. Сегодня же первое представление совпало съ днемъ твоего ангела. Народная поговорка говоритъ: Антонъ — прибавленіе дня. И мы скажемъ: нашъ Антонъ прибавляетъ намъ дня, а стало быть, и свѣта, и радости, и близости чудесной весны».

И въ этотъ день Художественный театръ лишній разъ подтвердилъ свое право на почетное званіе Чеховскаго театра.

За благами идутъ печали.

2-го июня 1904 года я получилъ въ Ессентукахъ изъ Ваденвейлера отъ О. Л. Книпперъ срочную телеграмму:

«Не знаю, гдѣ проводить лѣто Константинъ Сергѣевичъ. Сообщите срочно въ Москву, что въ ночь тихо скончался Антонъ Павловичъ».

Черезъ нѣсколько дней я прочелъ въ открыткѣ ко мнѣ, какъ умиралъ А. П. въ Ваденвейлерѣ: «Чеховъ какъ то значительно сказалъ доктору по нѣмецки: „Ich sterbe“. Потомъ взялъ бокаль, улыбнулся своей удивительной улыбкой и сказалъ: „Давно я не пилъ шампанскаго“. Покойно выпилъ все до дна, тихо легъ на дѣвнй богъ и вскорѣ умокъ навсегда».

Прерванный сезонъ.

Съ января 1905 г. театръ занимался подготовкой «Горя отъ ума». Комедіей Грибоѣдова долженъ былъ открыться сезонъ 1905—1906 г. Въ дальнѣйшемъ намѣчались «Брандъ» и «Драма жизни». Но уже къ веснѣ стало ясно, что къ началу сезона «Горе отъ ума» готово не будетъ. Въ августѣ планъ сезона видоизмѣнился еще потому, что Горькій привезъ пьесу «Дѣти солнца».

Началась революція. 14-го октября днемъ, послѣ второго акта полной генеральной репетиціи «Дѣтей солнца», потухъ свѣтъ. Волненіе, охватившее все общество, не могло не захватить театра. Художественная работа прекратилась. Въ театрѣ происходили собранія совершенно иного характера. Это продолжалось, однако, всего нѣсколько дней.

18-го октября въ Москвѣ былъ объявленъ манифестъ о свободахъ, и въ засѣданіи труппы было постановлено возобновить 20-го октября спектакли. 19-го октября, вечеромъ, театръ получилъ свѣтъ, и вечеромъ состоялась генеральная репетиція «Дѣтей солнца». Первое представленіе «Дѣтей солнца», 24-го октября, ознаменовалось большимъ переполохомъ.

Немедленно послѣ манифеста начались черносотенные погромы. Разнесся слухъ, что вечеромъ, во время спектакля, черносотенцы пойдутъ громить театръ за постановку пьесы революціонера Горькаго. Послѣ перваго акта слухъ этотъ перекинулся въ публику.

Извѣстно, что въ 4-мъ дѣйствіи пьесы изображаются холерные беспорядки, которые кончаются отнюдь не трагически, а скорѣе юмористически. На генеральной репетиціи эта сцена вызвала смѣхъ. Автора на генеральной репетиціи не было, но, когда режиссеръ сообщилъ ему, что публика въ этомъ мѣстѣ смѣется, то авторъ отвѣтилъ: «Ну, и ладно, пусть смѣются».

Дѣйствительно, герой пьесы, интеллигентъ Протасовъ, на котораго нападаетъ толпа, отмахивался отъ нея, по ремаркѣ автора, носовымъ платкомъ. Правда, вслѣдъ за этимъ жена Протасова стрѣляетъ въ толпу, но этотъ выстрѣлъ не ведетъ за собою никакой катастрофы.

На спектаклѣ все обернулось совершенно иначе. Отъ того ли, что нервы у публики были приподняты, благодаря слухамъ о нападеніи черносотенцевъ, или отъ чего другого — но только первый же шумъ толпы за сценой возбуждалъ въ залѣ тревогу. У кого то сдѣлалась истерика, и этого было достаточно, чтобы разрослась полная суматоха; за

одной истерикой послѣдовала другая, потомъ третья, поднялись крики, публика бросилась къ выходу. Словомъ произошелъ неопредѣлимый переполохъ, такъ что пришлось сдвинуть занавѣсъ.

Волненіе публики доходило до курьезовъ. Многие, напр., утверждали самымъ убѣдительнымъ тономъ, что видѣли въ толпѣ, бывшей на сценѣ, революверы и дубины.

Переполохъ прекратился только послѣ того, какъ Владимиръ Ивановичъ вышелъ на сцену и спросилъ публику, желаетъ ли она дослушать пьесу до конца. Занавѣсъ раздвинули, пьесу доиграли, но въ залѣ оставалось не болѣе половины зрителей.

7-го декабря, когда началась новая забастовка, спектакли совсѣмъ прекратились. Въ это время работали надъ третьимъ дѣйствіемъ «Горя отъ ума», въ которомъ участвовала вся труппа. Утромъ 11-го декабря, въ день вооруженнаго возстанія, доносившіяся грохотъ пушекъ засталъ всѣхъ въ театрѣ. примѣрно къ часу дня работу пришлось прекратить. Немногимъ удалось въ этотъ день выйти изъ театра. За ночь театръ былъ обращенъ во временный лазаретъ, куда приносили раненыхъ съ улицы.

Черезъ нѣсколько дней начались засѣданія пайщиковъ театра въ квартирахъ руководителей. Сезонъ былъ прерванъ. Рѣшена была поѣздка за границу.

Съ половины января зданіе театра было заперто и оставалось такимъ до начала слѣдующаго сезона.

Поѣздка за границу.

Для заграничной поѣздки было выбрано 5 пьесъ: «Царь Федоръ Іоанновичъ», «Дядя Ваня», «На днѣ», «Три сестры», «Докторъ Штокманъ». Двинулись въ числѣ 87 члѣвѣкъ. Я былъ посланъ впередъ и снялъ Berliner Theater на Schlotenstrasse.

За 10 дней нужно было подготовить театръ и прорепетировать массовыя сцены съ сотрудниками, взятыми изъ числа берлинскихъ русскихъ студентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо было позаботиться о мѣстной прессѣ. Надо отдать справедливость представителямъ нѣмецкой печати, что для рекламы гетатромъ не было затрачено ни одной марки. Газеты относились къ намъ со вниманіемъ, но и съ естественной осторожностью: никакихъ раздуваній не было.

Такъ или иначе, 10-го февраля русскаго стиля (23-го новаго) состоялось первое представленіе «Царя Федора Іоанновича». Надо ли рассказывать, съ какимъ огромнымъ волненіемъ относились къ этому спектаклю всѣ участники поѣздки. Предстояло какъ бы новое завоеваніе. Отношеніе къ русскимъ въ это время было рѣзко отрицательное, о русскомъ сценическомъ искусствѣ знали смутно.

Залъ былъ полонъ представителями театровъ и журналистики; намъ указывали тѣхъ или иныхъ знаменитостей. Присутствовало и наше посольство, присутствовали финансовые тузы Берлина. Было много русскихъ

Первый актъ опредѣлилъ рѣшительный успѣхъ. Моральная побѣда была полная, но таково же было наше удивленіе, когда, несмотря на горячіе отзывы театральной критики, мы очень долго не могли добиться полнаго сбора. Было ясно, что спектакли на чужомъ языкѣ захватить большую публику не могутъ, несмотря ни на какія рекомендаціи театральныхъ критиковъ.

Сыграли «Дядю Ваню», и вопреки опасеніямъ, что нѣмцы Чехова не поймутъ, спектакль имѣлъ успѣхъ, едва ли не болѣе, тѣмъ «Федоръ Іоанновичъ». На этомъ спектаклѣ впервые былъ въ театрѣ Гауптманъ. Однако, несмотря на шумныя театральныя рецензіи, «Дядя Ваня» дѣлалъ еще менѣе сборовъ, тѣмъ «Царь Федоръ Іоанновичъ».

Неожиданное обстоятельство помогло намъ.

Въ одинъ изъ понедѣльниковъ предстояла послѣдняя премьера — «Докторъ Штокманъ». На первый представленіе всѣ билеты были проданы. Въ субботу въ контору театра позвонили изъ дворца и говорятъ, что императоръ Вильгельмъ желалъ бы въ понедѣльникъ посмотрѣть «Федора Іоанновича». На это отвѣтили, что перемѣнить спектакль затруднительно, такъ какъ типографія уже закрыта, и, стало быть, анонсы о перемѣнѣ можно напечатать въ понедѣльникъ къ полудню. «Хорошо, мы такъ и доложимъ императору». Черезъ полчаса снова звонокъ по телефону. Передаютъ, что императоръ, тѣмъ не менѣе, проситъ поставить «Царя Федора Іоанновича». Знающіе люди уговорили насъ исполнить просьбу. Афиши о перемѣнѣ начали расклеиваться въ понедѣльникъ, въ день спектакля, около двѣнадцати часовъ дня. На этихъ афишахъ попереки красными буквами, по обычаю нѣмецкихъ театровъ, было напечатано: «По желанію его величества». А къ тремъ часамъ въ кассѣ на этотъ вечеръ уже не было ни одного билета.

Императоръ былъ съ императрицей и съ наследнымъ принцемъ. Императрица разъ

уже видѣла «Федора» раньше. «Императрица такъ много говоритъ о вашемъ театрѣ, что я тоже хочу посмотрѣть», — сказала императоръ нашимъ руководителямъ. Разумѣется, присутствовало на спектаклѣ и все русское посольство. По окончаніи спектакля Вильгельмъ, надо отдать ему справедливость, очень мѣтко опредѣлилъ русское сценическое искусство, какъ «искусство безъ жестовъ». «Никогда не могъ думать, — говорилъ онъ, — что на сценѣ можно говорить такъ просто. Не могъ себѣ представить, что театръ можетъ замѣнить нѣсколько томовъ исторіи».

Послѣ этого, точно по мановенію волшебнаго жезла, отношеніе нѣмецкой публики къ театру перемѣнилось. Пошли почти непрерывно полные сборы.

Изъ Берлина мы отправились въ Дрезденъ, гдѣ была великолѣпно оборудованная сцена.

Здѣсь произошелъ любопытный фактъ, свидѣтельствующій о нашей популярности. Когда мы предложили рабочимъ Дрезденскаго театра наградныя за старательную работу, то они уклонились, говоря, что благодарны намъ за то удовольствіе, какое имъ доставили наши спектакли. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ внести назначенную сумму въ кассу взаимопомощи рабочихъ.

На обратномъ пути мы играли въ Варшавѣ. Извѣстно, что поляки бойкотировали русскія театры, но намъ хотѣлось, чтобы искусство побѣдило національную антипатію. Одинъ изъ представителей дирекціи русскаго вазаннаго театра предупреждалъ насъ:

— Нѣтъ, будьте увѣрены, поляки къ вамъ не придутъ. Мерзавцы!

А когда среди публики все таки оказалось много поляковъ, то ему пришлось повторить тѣмъ же тономъ:

— А вѣдь поляки то пришли. Мерзавцы!

А. ВИШНЕВСКИЙ.